

РЕШЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по дисциплинарным производствам № и № в отношении
адвоката М.

14.05.2026

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе первого вице-президента АП СПб Саськова К.Ю. (председатель), вице-президента АП СПб Пановой В.С., членов Совета Ибряновой Г.А., Кониной Н.Н., Краузе С.В., Пашинского М.Л., Розова Ю.В., Семеняко М.Е., Чангли А.И. (участвовали очно), членов Совета Манкевича А.Е. и Морозова М.А. (участвовали дистанционно посредством использования сервиса видеоконференций «SaluteJazz»), в соответствии с положениями ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА), рассмотрев 14.05.2026 в закрытом заседании дисциплинарные производства № и № в отношении адвоката М. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

дисциплинарное производство № возбуждено 25.03.2025 первым вице-президентом АП СПб Саськовым К.Ю.; поводом для его возбуждения послужила жалоба, подписанная адвокатом Т.Д.С. и П.В.В., поступившая в АП СПб 24.03.2025; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили

Дисциплинарное производство № возбуждено 30.05.2025 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.; поводом для его возбуждения послужила жалоба, подписанная адвокатом Л.М.А. и П.В.В., поступившая в АП СПб 28.05.2025; в Квалифкомиссию материалы дисциплинарного дела поступили 04.06.2025.

В целях наиболее полного и объективного исследования обстоятельств дисциплинарные производства № и № Квалифкомиссией были объединены в одно производство.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 18.12.2025 в действиях адвоката М. установлено наличие нарушения взаимосвязанных требований:

- подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре): *«Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката»;*

- п. 2 ст. 8 Закона об адвокатуре: *«Адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием»;*

- пп. 2 и 3 ст. 5 КПЭА: *«Адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре. Злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката»;*

- пп. 2, 5 и 6 ст. 6 КПЭА: *«Соблюдение профессиональной тайны является*

безусловным приоритетом деятельности адвоката. Правила сохранения адвокатской тайны распространяются на факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей; все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу; сведения, полученные адвокатом от доверителей; информацию о доверителе, ставшую известной адвокату в процессе оказания юридической помощи; содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных; все адвокатское производство по делу; условия соглашения об оказании юридической помощи, включая денежные расчёты между адвокатом и доверителем; любые другие сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи. Адвокат не вправе давать свидетельские показания об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с исполнением профессиональных обязанностей.»;

- подп. 4 п. 1 ст. 9 КПЭА: «Адвокат не вправе разглашать без согласия доверителя сведения, сообщенные ему в связи с оказанием юридической помощи, и использовать их в своих интересах или в интересах третьих лиц».

Нарушение выразилось в самостоятельной, вопреки воле доверителей П.В.В. и В.В. явке адвоката М. 25.02.2025 в Следственный отдел второго управления по расследованию особо важных дел Главного следственного управления Следственного комитета России по г. Санкт-Петербургу для допроса в качестве свидетеля по уголовному делу № в отношении П.В.В. и в сообщении сведений, составлявших предмет профессиональной тайны, подлежащей сохранению адвокатом.

Существо дисциплинарных претензий заявителей сводилось к тому, что адвокат М.:

- разгласил сведения, составляющие предмет адвокатской тайны;
- оказывал юридическую помощь при наличии конфликта интересов;
- осуществлял адвокатскую деятельность после принятия Советом АП СПб решения о прекращении его статуса адвоката;
- осуществлял неправомерную запись разговоров с П.В.В. и скрытую запись в жилище П.В.В.

Адвокат М. с доводами жалоб не согласился. В своих письменных объяснениях он указывал, что с 15.08.2019 до 16.12.2021 не обладал статусом адвоката, а потому не осуществлял адвокатскую деятельность и не был обязан соблюдать правила, установленные законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА. Также адвокат ссылаясь на то, что сведения, сообщённые им правоохранительным органам, не составляли адвокатскую тайну, поскольку относились к обстоятельствам, выходящим за пределы оказания профессиональной юридической помощи, а его явка на допрос была обусловлена необходимостью самозащиты.

Участники дисциплинарного производства в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПЭА, письменных заявлений о несогласии с заключением Квалифкомиссии или его поддержке в Совет АП СПб не направили.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете

АП СПб на 14.05.2026 были извещены надлежащим образом.

Заявители адвокат Т.Д.С. и П.В.В. на заседание не явились, представителей не направили, об отложении слушания дела не ходатайствовали.

Заявители адвокат Л.М.А. и П.В.В. на заседание явились, выразили поддержку заключению Квалифкомиссии.

Адвокат М. и его представитель адвокат П.А.Д. на заседание явились, выразили несогласие с заключением Квалифкомиссии, пояснили, в частности, следующее.

Какие-либо сведения, составляющие адвокатскую тайну, адвокатом М. разглашены не были, в том числе постольку, поскольку касались периода времени, когда М. не имел статуса адвоката.

Давая спорные показания следователю, адвокат М. воспользовался своим правом на защиту от возможного уголовного преследования, в том числе с учётом правила «Маслова», сформулированного в Постановлении Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П.

Жалоба адвоката Т.Д.С. является недопустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства, поскольку она действовала в интересах доверителя П.В.В., который на момент подачи жалобы находился в следственном изоляторе; при этом доказательств того, что имеется волеизъявление П.В.В. на подачу жалобы, не представлено.

Представитель П.В.В. – адвокат Л.М.А. не подтвердил в заседании Квалифкомиссии свои полномочия; для подтверждения полномочий требуется доверенность, ордера недостаточно.

Содержащиеся в жалобах и в заключении Квалифкомиссии обвинения неконкретны.

В заключении Квалифкомиссии указано, что в результате действий адвоката М. негативные последствия для П.В.В. не наступили и не могли наступить, поскольку адвокат М. допрашивался в отсутствие судебного решения, поэтому его показания являются недопустимым доказательством; уголовное дело в отношении П.В.В. никогда не возбуждалось.

Сообщённые адвокатом М. сведения не относятся к профессиональной тайне, поскольку на тот момент уже были известны правоохранительным органам.

П.В.В. признал, что он сам при допросе сообщил следователю сведения, разглашение которых вменяется адвокату М.

Сведения о структуре АО «Концерн ЦНИИ Электроприбор» являются публичными и не составляют предмет адвокатской тайны.

П.В.В. доверителем адвоката М. не являлся, соглашения об оказании юридической помощи с ним не заключались.

Уголовное дело в отношении П.В.В. возбуждено не по той информации, которая указана в заключении Квалифкомиссии, а по иной, полученной адвокатом М. в период, когда он не был адвокатом; режим адвокатской тайны на эту информацию не распространялся.

В собраниях АО «Концерн ЦНИИ Электроприбор» адвокат М. участвовал как юрист, а не как адвокат.

Заявитель П.В.В. имел возможность и должен был проверить наличие у М. статуса адвоката.

В связи с этим считают, что дисциплинарное производство необходимо прекратить.

Отвечая на заданные вопросы, адвокат М. пояснил, что участвовал в допросах П.В.В. в качестве защитника, слышал его показания; на вопрос о смысле сообщения следователю уже известной ему информации, адвокат М. ответил, что объём информации, сообщённый им следователю, превышал объём сведений, известных правоохранительным органам, показания были даны для конкретизации ситуации; вменяемая адвокату М. в вину цитата из допроса вырвана из контекста; на вопрос, каким образом сообщённые им следователю сведения способствовали его защите, адвокат М. ответил, что это было началом сюжета, с этого вопроса начался допрос.

Представитель заявителя П.В.В. – адвокат Л.М.А. отметил, что его полномочия на представление интересов П.В.В. в дисциплинарном производстве подтверждены представленным им ордером, имеющимся в материалах дела.

П.В.В. и адвокат Л.М.А. обратили внимание, что адвокат М. не смог пояснить, от каких именно обвинений он использовал в качестве средства защиты сообщённые им следователю сведения; доводы адвоката М. в этой части непоследовательны, он всё время менял свою позицию; адвокат М. сообщил следователю сведения, полученные им от своего доверителя П.В.В. в ходе оказания последнему юридической помощи.

П.В.В. дополнительно пояснил, что адвокат М. был его защитником с февраля 2019 г.; когда он заключал договор с принадлежащей последнему юридической фирмой, был уверен, что и эта фирма, и сам М. обслуживают и его лично, и его сына, и концерн, все считали так же; адвокат М. знал все нюансы деятельности АО «Концерн ЦНИИ Электроприбор», поскольку участвовал в проводимых концерном совещаниях; о том, что М. более не обладает статусом адвоката, он узнал только в ноябре 2024 г.; разглашённая адвокатом М. информация была использована обвинением против его сына П.В.В., в результате чего тот сейчас находится в тюрьме; из-за действий адвоката М. доверие к адвокатуре у него навсегда утрачено; отвечая на вопрос об источнике получения адвокатом М. конфиденциальных сведений, пояснил, что последний был его защитником.

Перед началом рассмотрения член Совета АП СПб Краузе С.В. заявил о самоотводе, поскольку ранее он оказывал юридическую помощь заявителю П.В.В., в связи с чем у сторон могут возникнуть сомнения в его беспристрастности при рассмотрении настоящего дисциплинарного дела. Поэтому в обсуждении и голосовании член Совета Краузе С.В. участия не принимал.

Член Совета АП СПб П.А.Д. участвовал в рассмотрении настоящего дисциплинарного дела в качестве представителя адвоката М.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, заслушав явившихся участников, изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб приходит к следующему.**

1. Совет АП СПб в целом соглашается с выводами Квалифкомиссии о наличии в

действиях адвоката М. дисциплинарного нарушения, связанного с разглашением сведений, составляющих адвокатскую тайну.

Совет АП СПб солидарен с Квалифкомиссией, что спорные этические правоотношения регулируются приведёнными выше правовыми нормами.

Кроме этого, Совет АП СПб отмечает, что в соответствии с п. 3 ст. 6 КПЭА адвокат не может быть освобождён от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя, при этом согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц.

Как следует из заключения Квалифкомиссии, и П.В.В., и П.В.В. являлись доверителями адвоката М. – с П.В.В. адвокатом М. было заключено письменное соглашение об оказании юридической помощи; вывод же о наличии отношений «адвокат – доверитель» между адвокатом М. и П.В.В. Квалифкомиссия сделала исходя из фактических обстоятельств взаимодействия сторон и содержания объяснений самого адвоката М.

Оснований не согласиться с данными выводами Совет АП СПб не находит.

Совет АП СПб учитывает, что адвокат М. сообщил следователю не нейтральные сведения, касающиеся исключительно его собственной правовой позиции, а сведения о том, как «работает схема по контрактам» в АО «Концерн ЦНИИ Электроприбор», о роли П.В.В. старшего и П.В.В. младшего в деятельности указанного общества, их влиянии на деятельность общества и взаимодействиях с контрагентами. Указанные сведения были связаны с обстоятельствами, ставшими известными адвокату М. при оказании юридической помощи П., и потому составляли предмет профессиональной тайны.

Вред, причинённый доверителям, выразился в самом факте раскрытия органу предварительного расследования сведений, доверенных адвокату либо ставших ему известными в связи с оказанием юридической помощи, без согласия доверителей и вопреки их воле, в рамках уголовного дела, в котором один из бывших доверителей являлся фигурантом. Такое раскрытие объективно ухудшало защищённость доверителей от использования полученной адвокатом информации в уголовном преследовании, нарушало гарантии конфиденциальности юридической помощи и подрывало доверие, на котором основаны отношения адвоката и доверителя. При этом отсутствие доказанных конкретных процессуальных последствий для доверителей не устраняет дисциплинарного значения нарушения, поскольку разглашение адвокатской тайны образует самостоятельный дисциплинарный проступок.

Совет АП СПб соглашается с выводом Квалифкомиссии о том, что сведения, сообщённые адвокатом М. 25.02.2025 в ходе допроса в качестве свидетеля, были связаны с обстоятельствами, ставшими ему известными в связи с оказанием юридической помощи П., и потому составляли предмет профессиональной тайны. Данные сведения касались, в частности, обстоятельств взаимоотношений П. с АО «Концерн ЦНИИ Электроприбор», оценки их роли в деятельности указанного общества и иных обстоятельств, ставших известными адвокату М. именно в связи с оказанием юридической помощи.

Совет АП СПб учитывает, что режим адвокатской тайны не ограничен сроком действия соглашения об оказании юридической помощи, временем обладания лицом статусом адвоката либо последующим прекращением оказания юридической помощи. Если сведения стали известны адвокату в связи с оказанием юридической помощи, они сохраняют характер профессиональной тайны до тех пор, пока доверитель в установленном

порядке не освободит адвоката от обязанности её хранить.

Материалы дисциплинарного производства не содержат сведений о наличии письменного согласия П.В.В. либо П.В.В. на раскрытие М. сведений, связанных с оказанием им юридической помощи. Напротив, из содержания жалоб следует, что такие сведения были сообщены вопреки воле доверителей.

Довод адвоката М. о том, что он действовал в целях самозащиты, не опровергает вывод Квалифкомиссии о наличии дисциплинарного нарушения. Право лица на защиту своих прав и законных интересов не освобождает адвоката от обязанности сохранять профессиональную тайну и не предоставляет ему права раскрывать сведения, ставшие известными в связи с оказанием юридической помощи доверителю, если раскрытие таких сведений не является необходимым и соразмерным способом защиты самого адвоката.

В данном случае, как обоснованно указала Квалифкомиссия, сообщённые адвокатом М. сведения о «схеме по контрактам» и роли П. в деятельности АО «Концерн ЦНИИ Электроприбор» не были необходимы для объяснения его собственной правовой позиции относительно возможной оценки его действий и явно выходили за пределы допустимой самозащиты. Адвокат М. не ограничился отрицанием собственной причастности к каким-либо противоправным действиям, а сообщил сведения, характеризующие бывших доверителей и связанные с обстоятельствами оказания им юридической помощи.

Совет АП СПб также соглашается с выводом Квалифкомиссии о том, что отсутствие доказанных неблагоприятных последствий для доверителей не исключает дисциплинарной ответственности адвоката. Разглашение сведений, составляющих адвокатскую тайну, само по себе образует дисциплинарный проступок, поскольку адвокатская тайна имеет фундаментальное значение для доверительных отношений между адвокатом и доверителем и для реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь.

При этом Совет АП СПб принимает во внимание, что в жалобах П.В.В. и П.В.В. прямо содержались дисциплинарные претензии о разглашении адвокатом сведений, составляющих адвокатскую тайну. Следовательно, вывод Квалифкомиссии о наличии нарушения в данной части не выходит за пределы жалоб и соответствует предмету дисциплинарного разбирательства.

Совет АП СПб считает обоснованным и вывод Квалифкомиссии об умышленной форме вины. Адвокат М. явился в следственный орган и дал показания добровольно, без принуждения, при этом не воспользовался предусмотренной законом возможностью отказаться от дачи свидетельских показаний об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с оказанием юридической помощи, и не сделал замечаний к протоколу допроса в части фиксации соответствующих сведений.

Доводы адвоката М. и его представителя, приведённые в заседании Совета АП СПб, не опровергают выводов Квалифкомиссии и не свидетельствуют о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части установленного нарушения.

Доводы о недопустимости жалобы адвоката Т.Д.С. и об отсутствии подтверждённого волеизъявления П.В.В. являются несущественными, поскольку жалоба была подписана самим П.В.В., а подлинность его подписи и направленность обращения на инициирование дисциплинарного производства не были опровергнуты. Кроме того, жалоба адвоката, указывающая на возможное разглашение адвокатской тайны и подрыв доверия к адвокатуре, сама по себе затрагивает корпоративный интерес адвокатуры и может служить допустимым поводом для дисциплинарного производства.

Довод о неподтверждении полномочий адвоката Л.М.А. также не влияет на законность дисциплинарного разбирательства: жалоба была подписана П.В.В. лично, сам он участвовал в заседании Совета АП СПб и подтвердил полномочия своего представителя. Поэтому даже гипотетический спор о достаточности полномочий представителя не устраняет допустимость обращения самого доверителя.

Довод о неконкретности дисциплинарных обвинений не принимается, поскольку в жалобах и заключении Квалифкомиссии указаны дата допроса, процессуальный статус М., уголовное дело, существо сообщённых сведений и конкретный фрагмент показаний о «схеме по контрактам» и роли П.. Эти обстоятельства позволяли адвокату М. понимать, в чём именно состоит дисциплинарная претензия, и реализовать право на защиту.

Доводы о том, что сообщённые сведения уже были известны правоохранительным органам, что часть сведений о структуре АО «Концерн ЦНИИ Электроприбор» является публичной, а П.В.В. сам давал следователю показания, не имеют определяющего значения. Предметом адвокатской тайны является не только уникальная либо ранее неизвестная информация, но и сам факт обращения к адвокату, содержание профессионального общения, источник получения адвокатом сведений, их подтверждение адвокатом и сообщённая им оценка обстоятельств, связанных с оказанием юридической помощи. Освобождение адвоката от обязанности хранить тайну допускается только доверителем и в установленной КПЭА форме; самостоятельное сообщение доверителем каких-либо сведений третьим лицам не превращает адвоката в свободный источник обвинительной информации.

Довод о том, что П.В.В. не являлся доверителем адвоката М. из-за отсутствия отдельного соглашения, также является неправильным. Для целей сохранения адвокатской тайны значение имеет не только формальное заключение соглашения, но и обращение лица к адвокату за юридической помощью, передача сведений в целях такой помощи и участие адвоката в выстраивании линии защиты. Именно эти обстоятельства Квалифкомиссия сочла установленными; Совет АП СПб оснований для иного вывода не усматривает.

Доводы о получении части информации в период отсутствия у М. статуса адвоката, его участия в совещаниях как юриста и обязанности П.В.В. проверять наличие адвокатского статуса не опровергают установленного нарушения. Квалифкомиссия признала доказанным, что спорные сведения, сообщённые 25.02.2025, были связаны с оказанием юридической помощи в 2019 г., когда М. обладал статусом адвоката; обстоятельства же деятельности М. в 2020–2021 г.г. в отсутствие у него статуса адвоката не вменяются ему как самостоятельный дисциплинарный проступок.

2. Совет АП СПб соглашается с выводами Квалифкомиссии в части, в которой доводы жалоб не нашли своего подтверждения.

2.1. Относительно доводов жалоб о конфликте интересов и осуществлении адвокатской деятельности после прекращения статуса адвоката.

Квалифкомиссия установила, что юридическая помощь АО «Концерн ЦНИИ Электроприбор» с февраля 2020 г. по декабрь 2021 г. оказывалась М. не в качестве адвоката, а в качестве юриста – директора коммерческой организации ООО «МИА Про». В указанный период М. не обладал статусом адвоката, поскольку его статус был прекращён 15.08.2019 и вновь присвоен ему 16.12.2021.

Совет АП СПб соглашается с выводом Квалифкомиссии о том, что дисциплинарные

органы адвокатской палаты не вправе оценивать в порядке дисциплинарного производства действия лица, совершённые в период, когда это лицо не обладало статусом адвоката. В силу п. 1 ст. 3 КПЭА его требования распространяются на адвокатов, в том числе на адвокатов, статус которых приостановлен, но не на лиц, статус адвоката которых прекращён.

С учётом изложенного дисциплинарное производство в части доводов об осуществлении М. адвокатской деятельности после прекращения статуса адвоката, а также об оказании им юридической помощи АО «Концерн ЦНИИ Электроприбор» в период с февраля 2020 г. по декабрь 2021 г. при наличии конфликта интересов подлежит прекращению вследствие отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Что касается довода о представлении М. интересов потерпевшего АО «ЦНИИ Электроприбор» по уголовному делу № , Совет АП СПб исходит из пределов установленных Квалифкомиссией обстоятельств. Квалифкомиссия не установила, что М., будучи адвокатом, оказывал АО «ЦНИИ Электроприбор» юридическую помощь именно в условиях конфликта интересов, а заявителями не были представлены материалы, достаточные для такого вывода.

Мотивы принятого решения в данной части подробно описаны в заключении Квалифкомиссии, оснований не согласиться с ними у Совета АП СПб не имеется.

2.2. Относительно доводов жалоб о неправомерной аудио- и видеозаписи.

Квалифкомиссия установила, что доводы заявителей о неправомерной записи разговоров с П.В.В. и скрытой записи в жилище П.В.В. относятся к обстоятельствам, имевшим место 08.12.2020 и 09.12.2020.

В указанный период М. не обладал статусом адвоката. Соответственно, данные обстоятельства не могут быть предметом дисциплинарной оценки Совета АП СПб в рамках производства о дисциплинарной ответственности адвоката.

При наличии оснований заявители не лишены возможности защищать свои права иными предусмотренными законом способами.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб соглашается с выводом Квалифкомиссии о прекращении дисциплинарного производства в данной части вследствие отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Мотивы принятого решения в данной части подробно описаны в заключении Квалифкомиссии, оснований не согласиться с ними у Совета АП СПб не имеется.

3. Итоговые выводы Совета АП СПб

Совет АП СПб приходит к выводу, что заключение Квалифкомиссии в части установленного нарушения, связанного с разглашением адвокатской тайны, является законным, обоснованным и мотивированным, соответствует требованиям КПЭА и является достаточным для принятия решения о наличии в действиях адвоката М. дисциплинарного проступка.

В остальной части, связанной с доводами об осуществлении адвокатской деятельности после прекращения статуса адвоката, оказании юридической помощи АО «Концерн ЦНИИ Электроприбор» в 2020–2021 г.г. при наличии конфликта интересов, а также неправомерной аудио- и видеозаписи, дисциплинарное производство подлежит прекращению вследствие отсутствия допустимого повода для возбуждения

дисциплинарного производства.

Как указано в п. 1 ст. 18 КПЭА: *«Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА, совершённое умышленно или по грубой неосторожности, влечёт применение мер дисциплинарной ответственности».*

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о наличии в действиях адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных ст. 18 КПЭА».*

Избирая меру дисциплинарной ответственности адвокату М., Совет АП СПб учитывает характер и тяжесть допущенного нарушения.

Разглашение адвокатом сведений, составляющих профессиональную тайну, является одним из наиболее серьёзных нарушений профессиональной этики адвоката. Соблюдение адвокатской тайны составляет основу доверительных отношений между адвокатом и доверителем, является необходимым условием реализации права на квалифицированную юридическую помощь и не может быть поставлено в зависимость от последующего прекращения отношений между адвокатом и доверителем. Потому Совет АП СПб признаёт данное нарушение тяжким.

Совет АП СПб принимает во внимание, что нарушение совершено умышленно, было направлено против бывших доверителей и выразилось в сообщении сведений, связанных с оказанием им юридической помощи в рамках уголовного дела, в котором один из бывших доверителей являлся обвиняемым. Такое поведение неизбежно подрывает доверие к адвокату и адвокатуре, свидетельствует о злоупотреблении доверием и несовместимо со статусом адвоката.

Также Совет АП СПб отмечает, что нарушение было связано со злоупотреблением оказанного адвокату доверия, что также несовместимо со статусом адвоката.

Все эти обстоятельства свидетельствуют о нежелании адвоката М. соблюдать установленные адвокатским сообществом обязательные требования и разделять профессиональные ценности, а также о преследовании адвокатом М. в профессиональной деятельности интересов и целей, несовместимых со статусом адвоката; они убедительно показывают, что адвокат М. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами.

Совет АП СПб принимает во внимание, что в ходе дисциплинарного разбирательства не установлено наступление конкретных процессуальных последствий в виде предъявления нового обвинения, изменения меры пресечения либо ухудшения положения доверителей в конкретном судебном акте. Однако это обстоятельство не устраняет и не умаляет тяжесть дисциплинарного нарушения, поскольку вред доверителям выразился уже в раскрытии органу предварительного расследования сведений, связанных с оказанием юридической помощи, вопреки воле доверителей и без их письменного согласия.

Такие сведения были сообщены следователю в рамках уголовного дела, в котором один из бывших доверителей – П.В.В. – являлся фигурантом, то есть органу уголовного преследования и в потенциально неблагоприятном для доверителей процессуальном контексте. М. не ограничился объяснением собственной позиции или отрицанием

собственной причастности к противоправным действиям, а сообщил сведения, характеризующие бывших доверителей и связанные с оказанной им юридической помощью.

Отсутствие со стороны адвоката М. критического отношения к своему профессиональному поведению не позволяет надеяться, что он сможет пересмотреть и скорректировать его.

Совет АП СПб не находит возможности применения к адвокату М. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 КПЭА, как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 КПЭА, так и в силу того, что оставление М. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание другим адвокатам полагать, что совершённые им нарушения совместимы со статусом адвоката. Применение к адвокату М. мер дисциплинарной ответственности в виде замечания или предупреждения не будет отвечать характеру и тяжести допущенного нарушения и не обеспечит целей дисциплинарной ответственности.

Совет АП СПб также учитывает, что ранее решением Совета АП СПб от 15.08.2019 по отношению к М. уже применялась мера дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

С учётом изложенного Совет АП СПб полагает необходимым применить к адвокату М. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

В соответствии с п. 7 ст. 18 КПЭА: *«В решении Совета о прекращении статуса адвоката за нарушение норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса устанавливается срок, по истечении которого указанное лицо допускается к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката. Указанный срок может составлять от одного года до пяти лет. В случае, если статус адвоката за нарушение норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса прекращается повторно, указанный срок должен составлять от пяти до семи лет.»*

С учётом всех приведённых выше обстоятельств дисциплинарного производства

С

о

в

е

т

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 1 ст. 25, подп. 3 п. 6 и п. 7 ст. 18 КПЭА, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **единогласно**

А

П

решил:

По объединённым дисциплинарным производствам № и № признать в действиях

С

П

б

¹ По данному вопросу Советом АП СПб проводилось отдельное голосование, решение принято единогласно. При этом голосование по данному вопросу проводилось дважды: при первом голосовании Совет АП СПб установил адвокату М. срок дисквалификации 2 (два) года без учёта требований п. 7 ст. 18 КПЭА о том, что в случае повторного прекращения статуса адвоката этот срок не может быть менее пяти лет.

л

а

г

адвоката **М.** (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов)
наличие нарушения взаимосвязанных требований:

подпункта 4 пункта 1 статьи 7, пункта 2 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской
деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

пунктов 2 и 3 статьи 5, пунктов 2, 5 и 6 статьи 6, подпункта 4 пункта 1 статьи 9 Кодекса
профессиональной этики адвоката

и применить к ему меру дисциплинарной ответственности в виде **прекращения
статуса адвоката.**

Установить **М.** срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче
квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, 5 (пять) лет.

Президент
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.